

Елена ПАПКОВА

ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

История во многом определяет развитие искусства, в свою очередь деятели искусства дают свои ответы на вопросы, поставленные эпохой. Писатели, чей творческий путь складывался в первой половине XX века, в своих произведениях размышляли о тех ценностях и смыслах, которые им предложило время, принимали их или, напротив, создавали свою систему ценностей, им противостоящую. Одним из таких писателей был Всеволод Вячеславович Иванов, 130-летие которого отмечается 24 февраля 2025 года.

Кратко охарактеризовать время, в которое Иванову выпала доля жить и творить, можно, используя две формулировки. Одна из них принадлежит политику. В 1925 году известный политический деятель Г. Зиновьев использовал знаковые слова: «Эпоха войн и революций». Так называлось письмо Исполкома Коминтерна (III Коммунистического интернационала) X съезду Коммунистической партии Германии, которое открывалось словами: «Формула „Эпоха войн и революций“ родилась в начале 1900-х годов. В то время весь марксистский лагерь сходил на том, что именно эта формула определяет надвигающиеся мировые события»². Вторая формула принадлежит писателю. В стихотворении «De profundis» 1944 года А. Ахматова писала о том историческом времени, в котором формировались мировоззрение и творчество писателей, входивших в литературу на рубеже веков и в начале XX века: «Две войны, мое поколение, освещали твой страшный путь».

Елена Алексеевна Папкина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, внучка Всеволода Иванова, публикатор архивных материалов писателя.

² Зиновьев Г. Эпоха войн и революций. Письмо Исполкома Коминтерна X съезду Коммунистической партии Германии. Ростов-на-Дону, 1925. С. 1.

В 1915 году, когда Всеволод Иванов входил в литературу, сначала сибирскую, региональную, со своими стихами, легендами об ушедшей Сибири, рассказами о крестьянской жизни, уже второй год шла Первая мировая война и оставалось два года до Февральской и Октябрьской революций. Статью Иванова «Война и отражение ее в частушках» (1917) открывают слова, где дана двойственная характеристика мировой войне: это «гигантский мертвый шаг человечества к гибели, как говорят пацифисты, и к лучшему будущему, как говорят идеологи войны». Из приведенных в тексте частушек (например, «Нынче год какой тяжелый, / Стал германец воевать. / Мне, семейному молодчику, / Идти — не миновать»³ — и др.) и комментария автора видно, что жителям деревни, да и автору статьи, уроженцу села Лебяжье Семипалатинской губернии (ныне — Казахстан), ближе первое определение.

По-другому, как шаг к лучшему будущему, как начало борьбы «за правду, мир, справедливость»⁴ («История моих книг»), оценит начинающий писатель Февральскую революцию 1917 года, и это определит его поступки на ближайшие десять лет. Творчеству этого периода будут присущи и принятие великих целей революции, и отрицание средств ее осуществления, носящих разрушительный характер, и попытка предложить революционной России другой путь, в основе которого будут лежать или духовные ценности Древнего Востока (повесть «Возвращение Будды», 1922—1923), или надежды и чаяния народа, прежде всего крестьянства (повесть «Бегствующий остров», 1926). Путь Иванова от героических «Партизанских повестей» (1921—1923) к «упадочной», как писали советские критики, книге «Тайное тайных» (1926) точно определил критик русского зарубежья Марк Слоним: «Путь, проделанный Ивановым, — от внешнего бытовизма к изображению внутренней драмы человека, от радостного опьянения борьбой и движением революции к невеселому взвешиванию ее ценностей, — соответствует всему развитию советской литературы, за пятнадцать лет своего существования сменившей натурализм героического стиля на психологизм и моральную тревогу»⁵. Конечно, это путь не одного Иванова.

Назовем основные вехи пути писателя. В марте 1917 года он вступает в партию социал-революционеров. Летом избран членом Курганской городской думы от «группы объединенных социалистов». С конца 1917-го или начала 1918 года в течение недолгого времени — член партии меньшевиков-интернационалистов группы «Новая жизнь». Однако смена властей в Сибири на протяжении 1918–1920 годов: Советская власть, Временное Сибирское правительство, Уфимская Директория, Российское Правительство адмирала А. В. Колчака, восстановление Советской власти — порождает скептическое отношение к политике, партиям и властям, не защищающим интересов народа. А общение с представителями различных социальных слоев (мужиками-солдатами, казаками, творческой интеллигенцией), партий и политических направлений — от участников большевистского подполья до областников и убежденных сторонников «белой» идеи — приводит Иванова к стремлению объективно показать правоту и заблуждения разных сил, противостоящих друг другу в Гражданской войне.

«Партизанские повести» писателя трактовались на протяжении всей советской эпохи как произведения революционные, а многочисленные исправления, которые вносили сам автор, редакторы и режиссеры при переизданиях и в театральных постановках, еще более укрепляли читателей и исследователей в их характере. Между тем первые варианты этих текстов показывают, что Ивановым была создана гораз-

³ Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 117.

⁴ Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 126.

⁵ Слоним М. Портреты советских писателей. Paris, 1933. С. 72.

до более сложная картина русской революции. «Здоровый, свежий» мужик Селезнев («Партизаны») становится начальником партизан. «Смутно мужику-то, – говорит о нем крестьянин Соломиных. – Медвежья душа у человека, никак своей тропы не найдет». «Мается, мается народ и сам не знает почто», – заявляет еще один партизан, Горбылин. Да, они сражаются и погибают за «советскую власть», но для всех героев Иванова это прежде всего «власть крестьянская», к которой они стремятся, ради которой умирают, но в возможность обретения которой как-то не очень верят. В самой наиреволюционной повести «Бронепоезд 14-69» по контрасту с ни в чем не сомневающимися председателем ревкома Пеклевановым и рабочим Знобовым показаны герои-мужики, которые задают времени и революции свои незатейливые вопросы. Напомним лишь один диалог:

Вершинин почувствовал ослабление тела, сел на камень.
 – Ну вас к черту! Никто не знает, не понимает... разбудили, побежали, а дале что? <...> Броневику-то брат. Миру побьет много. И то в смерть, как снег в поляню, несет людей.
 Окорок, свистнув, оттопырил нижнюю губу.
 – Жалко тебе? <...>
 – Чего? – спросил Знобов.
 – Люди мрут.
 Знобов сунул бумажонку в папку и сказал:
 – Пустяковину все мелешь. Что народу жалеть? Новый вырастет.
 Вершинин сипло ответил:
 – Кабы настоящие ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьями дверь-то открыть надо.

Далеко не случайно один из критиков русского зарубежья, Р. Гуль, отметит в произведениях Иванова подлинное «ощущение гражданской войны»: «Измумительно верно и тонко передал Иванов *тоску* этой войны и в капитане Незеласове, и в Никите Вершинине, в Обабе, в солдатике „в голубых обмотках“, в беженке, „подпоясанной бечевкой“»⁶.

О последствиях «эпохи войн и революций» писал в 1928 году критик Ермилов: «На войне „преклонился разум“ не одного Агейки (персонаж романа Л. Леонова «Вор»), а сотен тысяч Агеек, Петров, Васильев, Иванов. <...> И если в отношении *социальной психики* война явилась огромным революционизирующим фактором, то в отношении *индивидуальной психики* тех сотен тысяч людей, которые были оторваны от привычных условий жизни, война не могла не явиться причиной самых разнообразных и причудливых изменений и отклонений. Она опустошила многих и многих»⁷.

Мотивы тоски, опустошения души, а также темы и мотивы бездорожья, утраты пути, блудного сына, богооставленности человека нашли отражение в лучшей книге Иванова «Тайное тайных», составленной из рассказов 1925–1926 годов, в которых отчетливо прослеживается кризис народной жизни и народной души в пореволюционное время. Заглавие книги Иванова, как отметил выдающийся ученый, сын писателя Вяч. Вс. Иванов, представляет собой грамматически измененное название восходящей к арабскому оригиналу VIII–IX веков книги «Тайная тайных», известной в Древней Руси с конца XV – начала XVI века. О тайнах человеческой души Иванов заговорил в эпоху социальной борьбы и утверждения классовых ценностей, когда популярный

⁶ Новая русская книга. Берлин, 1922. № 11–12. С. 11.

⁷ Ермилов В. За живого человека в литературе. М., 1928. С. 67–68.

журнал «Безбожник» утверждал: «...как принять понятие о бессмертной душе — частице духа божьего, если мы знаем, что наши проявления неразрывно связаны с веществом мозга и самую душу можно расписать по клеточкам, как географическую карту»⁸. Менее всего это применимо к главным персонажам книги Иванова. Автор подчеркивает чувство вины и тоску, причины которых они не могут объяснить ни желанием «доспеть до общества», создав в деревне партию («Плодородие»), ни страхом перед судом товарищей за насилие над «буржуазными женщинами» («Смерть Сапеги»). Бывшие крестьяне, ныне красноармейцы, тянутся к земле, вернуться к которой в «святое время» посева мешает служба в Красной армии («Поле»). К ним приходит любовь, воспринимаемая как болезнь или наваждение, у Тимофея Смокотинина («Жизнь Смокотинина»), Афоньки («Ночь»), Мартына («Плодородие») вызывающая желание оскорбить, ранить дорогую женщину. Отказ от веры «отцов» и тоска без нее приводят к ощущению себя потерянными, чужими в родной деревне, да и в мире в целом. Эти и другие чувства волнуют героев Иванова, крестьян или бывших крестьян. В заключительной повести книги, «Бегствующий остров», в основу которой положена русская народная утопическая легенда о праведной стране Беловодье, автор как бы предлагает скорректировать новый революционный общественный идеал народным идеалом правды и справедливости. Однако финал повести и книги в целом показывает, что если такая смена ценностей в России и возможна, то путь к ней еще очень неблизкий: «Мука-то не оттуда начинается, мука начинается с другого... Поживешь, поездишь, посвистит тебе ветер в уши, ну, глядишь и поймешь».

Не будем останавливаться на сложном периоде истории страны и творчества Иванова в последующие годы. Скажем лишь несколько слов о тех новых ценностях, которые активно обсуждались в преддверии Второй мировой войны и в начале 1940-х годов деятелями искусства, в том числе и Ивановым. В определенном смысле вопрос об этих ценностях стоит и в современном мире.

Еще во время Первой мировой войны русский художник Н. К. Рерих начал работать над Пактом о защите культурных и исторических ценностей во время войны и в мирное время. Договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», составленный Рерихом, был подписан 15 апреля 1935 года. «Культура есть утверждение добра — во всей его действительности. <...> Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. <...> Культура защищает историческое достоинство народа»⁹, — писал Рерих в статье «Оборона» (1936). В 1931 году в Брюгге (Бельгия) состоялся первый Конгресс по пакту Рериха; в ряде стран началось движение за его принятие на государственном уровне¹⁰.

Весной 1935 года СССР не подписал этого пакта.

Однако 21 июля 1935 года в Париже открылся международный Антифашистский конгресс писателей в защиту культуры, во многом инициированный СССР. В предисловии к изданию, вышедшему по итогам конгресса, говорилось: «...в условиях реальной фашистской угрозы культуре и все более и более надвигающейся угрозы новой мировой бойни — с одной стороны, и великого примера социалистического строительства в СССР — с другой, естественно назрела необходимость для всех антифашистски настроенных писателей организованно выступить на защиту культуры»¹¹. На кон-

⁸ Безбожник. 1926. № 16. С. 1.

⁹ Рерих Н. К. Огонь — на меня! Избранные очерки (1936 — 1941). Новосибирск, 2020. С. 6.

¹⁰ Шапошникова Л. В. Н. К. Рерих как мыслитель и историк культуры // Рерих Н. Шамбала. СПб., 2023. С. 77—82.

¹¹ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж. Июнь 1935. Доклады и выступления. М., 1936. С. 9.

грессе присутствовали представители 35 стран, в том числе и Вс. Иванов. Предложил ему поехать туда А. М. Горький, с которым, начиная с 1916 года, у Иванова сложились теплые, почти дружеские отношения. Как известно, культура являлась для Горького одной из базовых ценностей.

Через год после начала Великой Отечественной войны в Москве стал выходить журнал «Славяне», в котором, кстати, печатались и Рерих, и Иванов. «...Мы боремся не только во имя защиты своей свободы и независимости; мы сражаемся и во имя величайших завоеваний культуры и прогресса всего передового человечества¹², — утверждал академик Н. Державин в статье „Четверть века славянской культуры“, опубликованной в журнале в 1942 году. — Не потушить гитлеровским зверям светоча славянской культуры».

Из приведенных нами высказываний вырисовывается сущность культуры, на которую мы возлагаем чаяния и сегодня, хотя, наверное, меньше верим в их осуществление: созданная человечеством культура не только нуждается в защите, но и сама может противостоять зверству и дикости того же человечества.

Трудно сказать, было ли обращение Иванова в конце 30-х годов к ценностям культуры, к искусству закономерным на его творческом пути, или здесь оказали влияние внешние обстоятельства. Так или иначе, 22 мая 1939 года он записывает в дневнике: «Я, наверное, совершенно зря пропустил в своих писаниях тему искусства. А между тем какой это могучий и настоящий материал! Надо написать пьесу, роман, — и вообще много об искусстве. <...> Это настоящее»¹³. В 1939—1940 годах создаются пьесы «Битва в ущелье» и «Кесарь и комедианты», роман «Вулкан», во время войны — роман «Проспект Ильича» (1942), в 1945 году — «При взятии Берлина». В этих произведениях, действующими лицами которых являются художники, архитекторы, артисты кино, певица, утверждается (иногда даже навязчиво) идея о том, что культура, искусство не только обладают могущей созидательной силой, но и могут бороться со злом.

Однако и в данном случае ответ Иванова на вопрос, поставленный эпохой, историей, оказался не таким простым, и, как в период 1917—1927 годов, радостная вера сменилась невеселыми раздумьями. Свидетельство тому — роман писателя «Эдесская святыня», над которым он работал с 1946 года (Т. В. Иванова вспоминала, что первую редакцию Иванов заканчивал осенью 1946 года, после публикации постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград») до начала 60-х годов. В романе, отчасти автобиографическом, героем которого становится арабский поэт X века Махмуд иль-Каман, тесно переплетаются искусство и политика. Духовный путь главного героя символизирует дорога из родного ему Багдада, столицы сильного Багдадского халифата, в Эдессу, где хранится убрус — Эдесская святыня, а затем в Византию, столицу могущественной империи. Три государства, описанные в романе: Багдад, Византия и Русь (в других редакциях добавляются еще Болгария и Рим), — связывают сложные политические отношения, в которые волей-неволей вовлечен поэт. В редакции 1946 года роман заканчивался трагической гибелью героя, павшего жертвой «государственных соображений», которыми он в какой-то момент своей биографии стал руководствоваться.

Вряд ли стоит отождествлять ивановские Багдад, Византию и Русь с реальными государствами середины XX века, однако, несомненно, такие переключки присутствуют: «Отношение к вещам в Багдаде, Византии, Риме. Все три страны, вернее, их пра-

¹² Славяне. 1942. № 6. С. 35.

¹³ Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 44.

вительства, стремятся к тому, чтобы создавались орудия войны, наилучшие: оружие, корабли, невольники. Они выпытывают друг у друга — кто, как и чем это делает?»¹⁴ И рассказывая в романе о религиях разных стран (мусульманстве, христианстве, язычестве), Иванов, очевидно, имеет в виду не столько их, сколько идеологические расхождения между различными реальными государствами. Дневник писателя периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени показывает, что Иванов много размышлял об этом. И это размышления не баловня судьбы, а человека, много повидавшего и в эвакуации в Ташкенте в 1942 году, и на Орловско-Курской дуге в 1943 году, и при взятии Берлина в 1945 году. Приведем лишь одну запись: «...наши идеи состарились. Не из-за боязни перед Америкой мы говорим о России, <...> о Родине даже, о славянах, почти умалчивая о социализме и коммунизме. Что же нужно, чтобы идеи ожили? Омоложение! Оно возможно при том условии, если будут найдены новые формы, новые слова, при которых эти состарившиеся идеи заиграют» (8 сентября 1942 года)¹⁵.

Можно предположить, что ответ на свои сомнения и вопросы Иванов пытается найти для себя, и в каком-то смысле для писателей своего поколения, в третьей редакции «Эдесской святыни», работа над которой велась в 50-е — начале 60-х годов и в которой связь политики, веры и судьбы поэта еще более подчеркнута: «Халиф заигрывает с россами, которые ему не столь важны, как болгары, дружащие с россами»¹⁶; «Русские хотят использовать Свавольда в качестве человека, ведущего переговоры с Византией»¹⁷. И т. п. И ответ этот не радостный. В третьей редакции в судьбе поэта меньше акцентируются совершенные им ошибки («придворное поведение»), на первый план выходит бессилие среди политических интриг и религиозных споров и его самого, и искусства в целом.

Еще в 1922 году, обращаясь в письме к А. Н. Толстому, двадцатисемилетний Иванов писал о своей системе ценностей:

Я глубоко верю в Россию, оттого-то м. б., и работаю, что нужно. Я ведь казак, лентяй, писать заставляю себя силой, и в мирное время в год я написал бы 2 листа, а теперь 30. И не потому, что нужны деньги, а вот — скучно, надо утвердить что-то и, м. б., на самом себе — поверить в кого-то... В социализм я не верю, в науку тоже, в Бога тоже, а человек — человек пыль. Попробуем <в> искусство и в национальную Россию (17 июля)¹⁸.

Как видно на примере романа «Эдесская святыня», вера в искусство — его силу и роль в обществе — в последние годы жизни писателя была сильно поколеблена. Пройдя через все войны и революции XX века, Иванов не потерял веры только в одно — в Россию. Любовь к родине, пусть несовершенной, несправедливой и небогатой, лежит в основе произведений писателя последних лет: пьесы «Ломоносов» (1951), романа «Мы идем в Индию» (1959), очерков «Хмель, или Навстречу осенним птицам» (1962).

¹⁴ Иванов Вс. Эдесская святыня. Черновые автографы, машинопись. НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 109.

¹⁵ Иванов Вс. Дневники. С. 132.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 40.

¹⁷ Там же. Л. 102.

¹⁸ Папкина Е. А., Погорельская Е. И. Всеволод Иванов и Алексей Толстой в 1920-е гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем. Вып. 3. М., 2019. С. 459.